

Будущее Афганистана — в руках афганцев

Тайба Рахим

Тайба Рахим, гражданка Афганистана, по образованию — учитель. Она является президентом Ассоциации Най Кала. В марте 2010 г. ей была присуждена премия города Женевы за работу в Афганистане.

Краткое содержание

Плохие новости из Афганистана поступают каждый день. Война опустошала страну непрерывно в течение трех десятилетий. Афганским женщинам и мужчинам приходится в ужасных условиях сражаться за выживание. Большинство из них не видели ничего, кроме войны. Серьезная ответственность лежит и на плечах самих афганцев, которые навлекли тяжелейшие страдания на своих соотечественников. Однако в этой статье утверждается, что будущее Афганистана — в руках самих афганцев. Решение его сегодняшних проблем не может прийти и не придет извне. Афганцам пора самим взглянуть в лицо своим проблемам, заняться урегулированием собственных разногласий и выработать решения, подходящие к их условиям.

: : : : : :

Ни одного дня не проходит без плохих новостей из моей страны — Афганистана. Радио, телевидение и интернет снова и снова повторяют репортажи о насилии, разрушениях, разладе, коррупции и отчаянии.

Я родилась в провинции Гильменд в 1968 г. и мирную жизнь в Афганистане застала только в течение первых нескольких лет своей жизни. А за последние три десятилетия война шла, не давая нам передышки. Афганцы в жестокой борьбе обеспечивают свое существование, пытаясь достать хотя бы самое необходимое для своих детей и родствен-

ников, получить медицинское обслуживание или работу и избежать опасности.

Каждый день погибают или получают ранения мирные жители — при взрывах машин, начиненных взрывчаткой, при нападениях смертников, во время воздушных налетов и боевых действий на суше. Афганистан усыпан минами, которые и годы спустя после их установки вызывают ужасные увечья и делают обширные земли сельскохозяйственного назначения абсолютно непригодными для использования. Простые афганцы, которых притесняют различные вооруженные группировки, действующие в стране, подвергаются невиданным унижениям и живут в постоянном страхе.

Нищета и длительный вооруженный конфликт стали причиной мрачной социально-экономической ситуации. Ожидаемая, например, продолжительность жизни женщин в Афганистане, равняется 43 годам по сравнению с 82 годами в Швейцарии (средняя продолжительность жизни в 43 года женщин в Швейцарии зафиксирована в 1880 г.). Цифры не лучше и для мужчин¹. По существующим оценкам показатель материнской смертности — 1700 на 100 тыс. живорожденных детей в Афганистане по сравнению с 5 на 100 тыс. в Швейцарии. Уровень смертности детей первого года жизни оценивается показателем между 160 и 180 на 1000 рождений (в Швейцарии эта цифра равняется 5 на 1000 рождений). Показатель смертности среди детей до пяти лет равен 257 на 1000 живорожденных детей. Другими словами, 25 % афганских детей не доживают до пяти лет². Показатели в области образования не менее огорчительны. Уровень грамотности — один из самых низких в мире. По имеющимся оценкам от 72 до 75 % афганцев не умеют читать и писать³.

Все это имело катастрофические последствия для миллионов афганцев, большинство из которых не знают жизни без войны. Тем не менее следует также сказать, что афганцы сами в значительной степени несут ответственность за подобное положение дел, поскольку именно они причиняли такие ужасные страдания своим соотечественникам.

За последние несколько лет я начала понимать, что кроме того, что Афганистану пришлось пережить многочисленные мучения, он страдает и от неспособности говорить от своего имени, и написать или сформировать свою собственную историю. Каждый день мнения и убеждения иностранных наблюдателей наводняют мою страну и транслируются средствами массовой информации по всему миру. И каждый день международные СМИ, группы ученых и представители международного сообщества говорят о нас и пишут о нас, о том, кто мы есть, о причинах нашего

1 См.: World Health Organization, 'Country profile: Afghanistan', доступно по адресу: <http://www.who.int/countries/afg/en/> (последнее посещение 21 декабря 2010 г.).

2 См.: United Nations Children Fund (UNICEF), 'Afghanistan', доступно по адресу: http://www.unicef.org/infobycountry/afghanistan_statistics.html (последнее посещение 21 декабря 2010 г.).

3 *Ibid.*

сегодняшнего положения и о том, что мы должны делать для того, чтобы вытащить себя из этого плачевного положения.

Годы войны подорвали способность Афганистана определить свою собственную идентичность и сформировать, таким образом, свое будущее. На следующих страницах я докажу, что будущее Афганистана находится в руках афганцев. Решение наших сегодняшних проблем не может прийти извне. Солидарность и поддержка из-за границы всегда останутся важным фактором, но афганским мужчинам и женщинам пора взглянуть в глаза своим проблемам, постараться урегулировать свои разногласия и выработать решения, соответствующие нашим условиям. Я представлю несколько выбранных мною ключевых проблем, которые предстоит решить, и вопросов, которые требуют рассмотрения.

В поисках души Афганистана

Идея *управления* пользуется большим вниманием при анализе конфликта и в исследованиях, посвященных развитию. Идет ли речь о Либерии, Сомали или Афганистане, непременно звучат многочисленные заявления о важности хорошо организованного и четко структурированного распределения власти, законности и наличия открытых и подотчетных учреждений.

Дискуссии относительно методов управления (кроме того, что они подчас ведутся с позиции технократов) создают впечатление, что «хорошее управление» является универсальным средством, таким, которое разрешит все самые насущные проблемы. В действительности вопрос гораздо сложнее: пристальное внимание к вопросам управления в Афганистане сродни путешествию в поисках души страны.

В Афганистане властные полномочия традиционно осуществлялись на местном уровне: старейшинами кланов или вождями племен. Эта децентрализация власти обусловила трудность с объединением страны. Только в середине XVIII века королевство Афганистан было объединено его правителем Ахмад-шахом Дуррани; в 1776 г. его сын Тимур перевел столицу из Кандагара в Кабул. С тех пор Афганистан живет в «неравном браке» между децентрализованной душой и централизованным управлением из столицы. В течение более 250 лет королям, премьер-министрам и президентам — и иностранным оккупантам — не удавалось осуществлять власть таким образом, чтобы страна стала единым целым и имела общую цель.

Трудно избежать впечатления, что кто бы ни правил в Кабуле, он продолжает применять принципы местной политики. Для афганцев власть в Кабуле была просто еще одним способом обеспечить свои интересы и интересы своей семьи и своего клана. Есть старая афганская поговорка, в которой это точно выражено: «Каждый афганец мечтает в один прекрасный день захватить Кабул. Но как только ему это удастся, он теряет всю остальную страну». С иностранцами случалось то же самое. Хотя цели у

советского вторжения и у операции, возглавляемой США, были разные, и то, и другое потерпело неудачу, потому что задача ставилась одна и та же: удержать столицу и еще несколько городских центров и предоставить поддержку им.

Я на себе испытала эти отношения любви-ненависти между столицей и остальным Афганистаном, когда моя семья переехала из провинции Гильменд в Кабул. Я была тогда подростком, и мой отец был полон решимости отправить своих сыновей и дочерей в университет. И Кабул многое тогда сулил таким людям, как мы, но нельзя было не почувствовать пропасть между городом и его жителями и остальной частью страны.

Кабул был тем местом, которое привлекало инвестиции, где была выстроена инфраструктура и существовали возможности. Людей из провинций считали отсталыми и необразованными, к ним относились почти как к иностранцам. Хотя такое положение встречается и в других странах, в Афганистане эта разъединенность подкреплялась отсутствием явно выраженной воли к объединению всего населения во всем его многообразии в рамках истинно национального проекта. Более пристальный взгляд на историю страны позволяет заметить, что некоторые из ее правителей «открывали» для себя понятие единства только тогда, когда их власти бросался вызов или когда существовала опасность быть свергнутым. Афганцам не удалось на протяжении всей своей истории создать образ единой страны и не удалось заставить столицу посмотреть за пределы города и послужить интересам всего народа.

Создать общую идентичность

Каждый народ и каждое общество, да и каждый человек обладает идентичностью, в основе которой лежит все пережитое или же мифы, общие ценности и устремления. Давайте посмотрим, что это может быть для Афганистана. Если бы спросили мужчин или женщин в моей стране, что делает нас афганцами, я думаю, большинство сначала бы сказали, что это мусульманская вера. Есть, конечно, афганцы, исповедующие и другие религии, но в течение веков суть афганской идентичности формировалась и питалась исламом. Несмотря на последние события, практика ислама в Афганистане характеризовалась умеренностью, сдержанностью и доброжелательностью.

Я выросла в семье, которая была верна принципам ислама. Мой отец, глубоко религиозный человек, считал, что он обязан дать своим детям образование в рамках национальной системы, хотя они жили, следуя учению Корана. Годы войны, значение традиционных племенных кодексов и иностранное влияние привели к более радикальному, а временами и жесткому толкованию ислама. Тем не менее нет никакого сомнения в том, что ислам останется прочным элементом построения идентичности Афганистана.

Если посмотреть за пределы религии и веры, ситуация становится более сложной. Многие афганцы, скорее всего, скажут, что идентичность была сформирована теми многочисленными событиями, когда народ сплачивался для того, чтобы отразить наступление иноземных армий. Сторонние наблюдатели называли Афганистан «кладбищем империй»⁴, и эта стальная решимость сохранить свою независимость является, в общем, источником гордости для большинства афганцев. В конце концов не так много стран в мире, которые могут сказать, что они никогда не были чьей-либо колонией. И все же более пристальный взгляд позволяет увидеть, что поражение британской и советской армий совсем недостаточно для создания общей национальной идентичности. Кто захочет жить на кладбище?

Афганцам, действительно, пришлось пережить множество попыток со стороны иностранцев вторгнуться и править ими. Правда и то, что мы успешно сопротивлялись многим из этих попыток и что мы можем гордиться желанием самим управлять собой. Однако нам никогда не удавалось решить, как же мы хотим использовать нашу с трудом завоеванную независимость. Как только нас оставляют в покое, нас начинают разрывать противоречия и разногласия; у афганцев нет общей цели. Если вы сядете поговорить со средней афганской семьей или попить чаю с группой деревенских старейшин, они ответят на ваш вопрос об идентичности Афганистана, вспомнив сражения, которые вел Афганистан, а не что-либо, связанное с развитием страны. Никто не вспомнит о чем-либо похожем на национальную кампанию по уничтожению безграмотности или серьезный ирригационный проект.

Чтобы добиться некоторой стабильности в своей стране, афганцы должны прежде всего создать позитивный образ самих себя и национальную программу действий, в которой будут учтены чаяния каждого афганца. Это потребует решения некоторых срочных вопросов.

Наведение мостов между городом и сельской местностью

Я уже говорила о пропасти между столицей и остальной страной, но еще более глубокая эмоциональная пропасть и разобщенность, порожденная чувством социальной вины, разделяют городские центры и сельскую местность. Поколения национальных лидеров сменяли друг друга, но никто не проводил политики, которая бы интегрировала сельское население в национальный проект.

Мне часто приходилось слышать за границей об иррациональности насилия и разорения, которым подвергали афганские группировки

4 См.: Seth G. Jones, *In the Graveyard of Empires: America's War in Afghanistan*, W. W. Norton & Company, New York and London, 2009.

свои города во время этой нескончаемой войны. Когда моджахеды захватили Кабул в 1992 г., а затем начали воевать друг с другом за контроль над городом, большая часть разрушений была обусловлена частично тем, что бойцы из сельской местности сводили счеты со столицей. Нет никакого оправдания зверствам, которые стали причиной столь многочисленных жертв среди гражданского населения. Однако надо проанализировать корни этого насилия — частично оно было вызвано чувством унижения, которое накапливалось в течение десятилетий и веков.

Люди спрашивали меня, почему боевики просто не поселялись в домах и дворцах, а разрушали их. Важно обратить внимание на такой факт: афганцы из сельских поселений никогда не чувствовали себя желанными гостями в столице своей собственной страны. Их вклад в национальную экономику и в создание богатства страны не признавался, и поэтому они обратили свою обиду против городов и их жителей. Само собой разумеется, что я не одобряю их жестокость. На самом деле моя семья и я сама вместе с тысячами других жителей Кабула того времени были свидетелями и жертвами этого разорения и последствий, которое оно имело для жизни людей и репутации Афганистана за границей.

После 2001 г. обстоятельства начали несколько изменяться, и афганский парламент в результате выборов, состоявшихся 18 декабря 2005 г., стал немного больше похож на орган, представляющий региональное разнообразие страны. Тем не менее, если говорить об управлении, мы еще очень далеки от того, чтобы найти правильный подход. Действительно, очень много внимания снова уделяется учреждениям в Кабуле. Другими словами, в Кабуле снова сосредоточены законодатели и органы, принимающие решения, они увековечивают долготлетние тенденции страны к централизации. Никто не отрицает, что хорошие люди нужны в столице, но цель должна быть выше, нежели просто привлечение инвестиций для столицы и обеспечение для нее успешного развития.

Вместо этого надлежит сформировать новое афганское политическое сознание и стремиться перераспределить законодательную власть и наделить провинции правом принятия решений. В Афганистане нужно найти общенациональный консенсус относительно того, что же является ответственностью центральных органов, а что должно оставаться под контролем и властью различных регионов. Инвестиции и усилия в области развития — смелые планы сельского развития, микроэкономические инициативы и планы в области образования, например, — будут тогда лучше распределены по всей стране. Города Кабул, Герат, Мазар, Кандагар и Джелалабад не могут быть единственными местами, куда люди стремятся в поисках благоприятных возможностей. Создание экономических и социальных перспектив для людей в тех местах, где они сейчас живут, сделает возможным более безопасный Афганистан.

Как ни печально, это можно проиллюстрировать на примере афганских беженцев, которые вернулись домой или были насильственно высланы из стран, где они проживали в течение многих лет, в основном

из Пакистана и Ирана: большинство из них обитает сейчас в перенаселенном Кабуле. Это только частично объясняется тем, что их родные места стали крайне опасными для жизни; кроме того, в силу экономических причин (обычно связанных с сельским хозяйством) им просто некуда возвращаться. Аналогичным образом некоторые из самых ранних ошибок, сделанных в ходе вмешательства под командованием США, состоят в отказе заняться государственным строительством и обеспечить контроль над страной за пределами Кабула и, что наиболее важно, в неспособности обеспечить сельским районам возможность воспользоваться преимуществами международного присутствия.

Стабильности в Афганистане нельзя добиться в центре или из центра. Настоящий политический процесс должен развиваться правительством в Кабуле, но он станет эффективным и устойчивым только в том случае, если сельский Афганистан будет чувствовать себя и являться частью общего целого.

Афганистан как сумма всех его этнических групп

В Конституции Афганистана определяется, что:

«Народ Афганистана состоит из следующих этнических групп: пуштуны, таджики, хазарейцы, узбеки, туркмены, белуджи, пашаи, нуристанцы, аймаки, арабы, киргизы, кызылбаши, гуджур, брахуи и другие.

Наименование «афганец» относится к каждому гражданину Афганистана»⁵.

Это, конечно, можно только приветствовать, но мало кто из афганцев сказал бы, что это «нация афганцев», когда-либо существовала или существует сегодня в каком-либо имеющем значение смысле. В течение очень долгого времени многие люди ставили знак равенства между афганцем и пуштуном. Пуштуны были основателями Афганистана, и из их среды вышли семьи или кланы, которые правили страной более двух столетий, пока не началась война в 1980 г.

Война несет с собой опустошение и огромные страдания, но она может иногда и трансформировать общество самым неожиданным образом, особенно в результате развития и зрелости ранее маргинализованных и подавляемых групп населения и общин. Однако сегодняшние условия не отражают положений, нашедших выражение в Конституции. Если бы война закончилась завтра, то одним из самых серьезных вызовов Афганистану стала бы необходимость научиться думать и действовать, преодолевая этнические границы. Мало какие политические партии выступают с такой платформой, которая бы включала все этнические

5 The Constitution of Afghanistan, Chapter 1, Art. 4, доступно по адресу: http://www.afghan-web.com/politics/current_constitution.html (последнее посещение 21 декабря 2010 г.).

сообщества; история и конфликты Афганистана способствовали созданию мощного бренда этнической политики.

Напряженность между различными общинами распространена повсеместно, что явилось результатом долгих страданий и укоренившегося недоверия ко всем. Люди не знают, как жить вместе, и это является серьезной помехой на пути построения объединенной страны. Уровень доверия между различными общинами достиг почти самого низкого уровня. Действительно, если Афганистан хочет иметь стабильное будущее, мало что будет более важным, нежели истинная открытость и готовность установить отношения сотрудничества между этническими сообществами страны в поисках решений наиболее неотложных проблем.

Разрешив различия, которые разделяют афганцев, диктовать линию поведения и не определив, что является общим для различных групп населения, Афганистан почти не знает, что такое быть единой нацией. Не говоря уже об идеях, нашедших выражение в Конституции, основной вопрос для афганцев заключается в том, сможем ли мы в будущем сформировать общее понимание истории, культуры и цели — ведь это является неотъемлемой составляющей понятия «народ».

Достоинство для женщин и для мужчин

Проблемой, которая часто привлекает к себе серьезное внимание международной общественности, является положение женщин в Афганистане. Я писала и часто говорила об этом, и сама проблема очень мне близка⁶.

В афганском обществе правит традиция, и оно крайне консервативно. У мужчин была огромная власть в обществе и в политике с самого начала. Женщины же, напротив, маргинализированы и угнетены. Им приходится выносить на своих плечах ужасные трудности, особенно в сельской местности, и война только ухудшила ситуацию. Женщины подвергались чудовищным актам насилия и унижения, им приходится испытывать еще большие унижения, нищету и социальное отвержение.

Несмотря на гнев и неприятие, которые все это вызывает у меня, как и у многих других людей в Афганистане и за границей, я глубоко убеждена в том, что следует воздерживаться от настойчивого описания афганских женщин как жертв. Первым шагом в сохранении их достоинства — нашего достоинства — будет признание той силы, которой обладают афганские женщины. Мы хотим быть и фактически являемся действующей силой нашего собственного развития. Мы не простые статисты, иллюстрирующие статьи о нашем положении, написанные из добрых побуждений. Мы не хотим, чтобы люди думали о нас как об объектах

6 Taiba Rahim, 'An identity of strength: personal thoughts on women in Afghanistan', in *International Review of the Red Cross*, No. 847, September 2002, pp. 627—641.

добродетельной жалости, мы не хотим выглядеть так на обложках международных журналов и оправдывать приверженность неэффективным военным стратегиям.

Мы хотим, чтобы о нас меньше говорили и больше нас слушали. Но для этого афганские женщины должны брать на себя ответственность, излагать свои мысли и действовать, обратившись в будущее. Ничего нам не дадут просто так. Нам предстоит долгая и трудная борьба, которую мы должны вести сами. Нельзя забывать, что несмотря на периоды повышенного международного интереса и поддержки в течение последних тридцати лет, были и длительные периоды затишья и бездействия, если не сказать больше.

Понимание этого должно заставить афганских женщин взять на себя инициативу по формированию и распределению ролей и обязанностей мужчин и женщин таким образом, чтобы это было более сбалансировано и справедливо. Многие женщины уже активно делают это, иногда подвергаясь серьезной опасности. Некоторые женщины сегодня являются политиками, работают учителями или медсестрами в больницах. Несмотря на существующую опасность, они полны решимости взять на себя такие обязанности и внести свой вклад в перемены.

Причинив огромные страдания, война привела и к изменениям в афганском обществе. Афганистан является страной с очень большим числом вдов. Хотя традиционные ценности гарантируют, что некоторые из них все еще могут быть приняты в более широком кругу своих семей, многим все-таки приходится самим заботиться о себе, находя пропитание для своих детей и начиная выполнять новые и более активные роли и обязанности. Число афганских женщин в парламенте, хотя, конечно, в результате международного давления, также является доказательством изменяющейся обстановки.

Улучшение перспектив для афганских женщин должно быть частью более масштабных усилий, направленных на улучшение положения афганских мужчин. Никто не должен отрицать или преуменьшать выпавшие на долю женщин и до войны, и после нее ужасное угнетение и жестокость как от отдельных мужчин, так и от сторон в конфликте. Однако любой честный взгляд на то, что пришлось пережить мужчинам за последние три десятилетия, приведет нас к тем же самым мрачным выводам: очень многих из них убивали, пытали, жестоко с ними обращались и унижали.

Сегодня в городах и деревнях по всей стране честные афганские мужчины ищут работу, средства к существованию и пытаются сохранить свое достоинство. В большинстве случаев их поиски напрасны. Было бы неправильным недооценивать этот факт и его отрицательное воздействие на перспективы более радужного будущего для Афганистана. Я уже говорила, что мы должны преодолеть границы разобщенности между городом и селом и между этническими группами. Я также твердо уверена в том, что политика улучшения положения женщин в моей стране должна включать планы и по улучшению положения мужчин.

Необходимость образования

Война к настоящему моменту продолжается уже так долго, что все меньше и меньше афганцев помнят об Афганистане мирного времени. Для многих афганцев мир кажется очень отдаленной перспективой, они думают, что достичь его практически невозможно. Во время некоторых моих выступлений о ситуации в Афганистане или о положении женщин аудитория реагирует с недоверием, когда я говорю тех или иных мерах по обеспечению лучшего будущего для афганского народа — таких как местные инициативы по улучшению образовательных стандартов, что я считаю необходимым и возможным.

Мне трудно винить иностранцев, думающих, что для моей страны нет никакой надежды. Новости, которые они слышат, всегда плохие. Образ афганцев у них ассоциируется с войной, жестокостью, экстремизмом и угнетением женщин. Для многих афганцев ситуация — нападения смертников, воздушные налеты, похищения, вымогательство, нищета — действительно очень мрачная. Есть, однако, один основополагающий факт, который неизбежно определяет то, как мои соотечественники и я видим будущее нашей страны: мы живем в Афганистане; это наша земля. Поэтому, невзирая на то, насколько безнадежной ситуация может выглядеть или быть, мы должны искать решения и сохранять надежду. Это не наивность, это просто реальный взгляд на вещи.

Каждый афганец должен понять, что у него есть в этом отношении некая обязанность. Пессимизм и отчаяние не приведут никуда. Что касается меня, я черпаю силу из примера моего отца: он уехал из деревни в центре Афганистана, потому что хотел, чтобы его дети получили образование. В 2007 г. я создала Ассоциацию⁷ с намерением вернуться в тот регион и построить там школу, отдавая дань уважения мужеству моего отца. С тех пор я завершила три проекта по строительству школ и сейчас начинаю осуществлять проект в области здравоохранения.

По-моему, образование крайне важно для того, чтобы люди могли вытащить себя из нищеты, чтобы покончить с социальной отверженностью, отсталостью и написать свою историю. Результаты моих проектов превосходили мои ожидания. Прежде всего, я очень горжусь тем, что эти проекты осуществлялись афганцами и для афганцев. То, что они были задуманы и осуществлены дочерью региона, не осталось незамеченным. Я рассматриваю это как вклад в дело изменений в культуре. Кроме того, когда в 2010 г. я приезжала в общины, я поняла, что теперь, когда существуют приемлемые условия для учебы, многие семьи стали посылать детей в школу. Другими словами, родители увидели альтернативу работе своих детей на полях. Это относилось и к их сыновьям, и к их дочерям.

7 The Nai Qala Association, доступно по адресу: <http://www.nai-qala.org> (последнее посещение 31 января 2011 г.).

Я хочу подчеркнуть это, потому что один из вопросов, который мне наиболее часто задают, таков: нацелены ли мои проекты на школы для девочек? Чтобы условия в моей стране изменились к лучшему, жизненно важно, чтобы девочки могли получить образование; но не менее важно, чтобы образование получали и мальчики. Большая часть насилия, направленного против женщин в Афганистане, обусловлена традицией и необразованностью. Важно понять, что если больше девочек пойдут в школу, а мальчики не пойдут, многие проблемы Афганистана останутся. Поэтому школы, которые я строю, это улучшение условий для девочек и мальчиков.

Подход, который выбрала я, заключается в том, чтобы проводить работу с центральными и провинциальными органами власти. Мои проекты были официально одобрены министерствами образования и здравоохранения. Они не скрывали того факта, что отдаленные общины, с которыми я собиралась работать, не являлись для них приоритетными. Поэтому они не выделили никаких фондов для этих районов. Тем не менее они предоставили мне необходимые разрешения и поддержку. Я хотела убедиться в том, что мои проекты соответствовали задачам и программам, выдвинутым на национальном уровне. Я также убедилась в том, что местные власти в деревнях вносили свой вклад в осуществление проектов: они выделяли землю и брали на себя обязательство покрывать эксплуатационные расходы в будущем. Я буду настаивать на том, чтобы они выполнили свои обязательства. Я хотела показать им, что не надо всегда ждать, когда другие решат за вас ваши проблемы.

И наконец, мне хотелось сделать хотя бы что-нибудь, чтобы изменить образ Афганистана за границей. Я хотела показать, что афганцы могут выступать с инициативой и могут добиваться поставленных целей. Большинство средств, которые мне удалось собрать, поступили из Швейцарии и нескольких других стран. К сегодняшнему дню более 700 человек и учреждений помогли осуществлению моих проектов. Мне представляется это замечательным, если принять во внимание те многие причины, которые можно было выдвинуть для того, чтобы не вкладывать деньги в Афганистан. Мне кажется, они сделали это потому, что начали слышать другие истории об Афганистане, о том, что это такая же страна, как и другие, где мужчины, женщины и дети хотят жить в безопасности, пользоваться уважением и сохранять свое достоинство.

